Г. И. ВЗДОРНОВ

Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в.

Сохранилось много рукописей XIV—начала XV в., написанных в московских и подмосковных монастырях. Большинство их написано, впрочем, после 1382 г. Рукописей старше этой даты сохранились считанные единицы. Остальные погибли в августе 1382 г. в огне пожара, устроенного в городе Тохтамышем. Уцелели преимущественно книги, которые хранились в подмосковных монастырях и которые по разным причинам не были доставлены в Москву до прихода татар. Это книги Троице-Сергиева и серпуховского Высоцкого монастырей. Рукописи же московских монастырей все обратились в дым.

О рукописях московских монастырей уже писал М. Н. Тихомиров. По его наблюдениям, наибольшее количество книг писалось в монастырях, основанных митрополитом Алексием, — в монастыре Чуда архангела Михаила в Кремле и в Спасо-Андрониковом монастыре на Яузе.[1] Как монастыри митрополичьи, да еще расположенные в столице, Чудов и Спасо-Андроников сравнительно с другими монастырями XIV в. должны были обладать некоторыми преимуществами. Одно из них заключалось в том, что здесь охотно селились образованные иноки. И. Е. Забелин прямо писал, что Чудов монастырь с первых же лет своего существования получил значение «ученого или учительного, где ... собирались знающие и испытанные старцы».[2] Об Андрониковом же монастыре известно, что здесь работали и провели последние годы жизни замечательные художники Андрей Рублев и его сотрудник и «спостник» Даниил Черный.[3] Все это вызывает к московским монастырям и написанным здесь книгам особый интерес.

Чудов монастырь был основан около 1360 г.[4] В 1365 г. митрополит Алексий построил здесь каменный собор, о котором в летописях сказано, что он был щедро наделен всяким церковным «узорочьем», т. е. ико-

---

[1] М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, стр. 189—190; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, стр. 243—244; 3) Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря. — Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960, стр. 12; 4) Андрей Рублев и его эпоха. — Вопросы истории, 1961, № 1, стр. 15.

[2] И. Е. Забелин. История города Москвы, ч. 1. Изд. 2. М., 1905, стр. 299.

[3] И. Сахаров. Исследования о русском иконописании, кн. 2. СПб., 1849, Приложение V, «Сказание о иконописцах», стр. 14 (под №№ 15 и 16).

[4] См. о нем: И. Е. Забелин. История города Москвы, стр. 283—308; Н. А. Скворцов. Археология и топография Москвы. М., 1913, стр. 159—168.

нами, драгоценными сосудами и книгами.[5] Следовательно, начало библиотеки Чудова монастыря относится к первым же годам его существования.[6] По описи 1637 г. в Чудовом монастыре насчитывалась 241 рукописная и печатная книга, из них 46 рукописей на пергамене.[7] Конечно, не все они сохранились. Часть рукописей несомненно погибла, многие книги перешли в другие собрания. К числу этих последних рукописей, бывших некогда в Чудове, относится, в частности, Устав церковный конца XIV в., хранящийся ныне в Синодальной библиотеке, но имеющий старую, XVII в., владельческую запись Чудова монастыря (ГИМ, Син. 329).[8] Нынешнее собрание Чудова монастыря содержит всего 24 пергаменных рукописи, а из ранних бумажных рукописей три: Лествицу 1387 г., Лествицу 1404 г. и Псалтирь с восследованием начала XV в. Как и всякая коллекция, собрание Чудова монастыря состоит из рукописей, написанных не только в Чудовом, но и чужих, поступивших сюда в качестве даров, вкладов, путем покупки или по праву наследства от умерших чудовских монахов. Так именно здесь оказались: 1) Сказание Ипполита, епископа Римского, о Христе и Антихристе начала XIII в. — рукопись, вероятно, владимирского происхождения (ГИМ, Чуд. 12); 2) Новый Завет середины XIV в., написанный в Константинополе неизвестным русским писцом и долгое время считавшийся переводом и автографом митрополита Алексия;[9] 3) другая константинопольская рукопись — Диоптра инока Филиппа 1388 г. (ГИМ, Чуд. 15); 4) Поучения аввы Дорофея XIV в., рукопись неизвестного происхождения, вложенная в Чудов монастырь неизвестным же лицом в XVI в. (ГИМ, Чуд. 14); 5) московское лицевое Евангелие конца XIV в., поступившее в XVI в. от некоего попа Иосифа (ГИМ, Чуд. 2); 6) упомянутая выше бумажная Лествица 1404 г., происходящая из Твери (ГИМ, Чуд. 219); 7) Сборник поучений и житий начала XV в. на пергамене, поднесенный, как явствует из имеющейся в нем приписки, можайским князем Андреем Дмитриевичем московскому митрополиту Фотию, а этим последним, наверное, пожалованный Чудову монастырю (ГИМ, Чуд. 19). Необходимо еще иметь в виду, что в чудовском собрании есть рукопись, написанная не только задолго до основания монастыря, но даже и до основания Москвы. Это замечательная по древности и сохранности Псалтирь с толкованиями Феодорита Киррского конца XI или

---

[5] ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 195; т. VIII, СПб., 1859, стр. 28; т. XI, СПб., 1897, стр. 33; т. XV, СПб., 1863, стлб. 424—425; т. XVIII, СПб., 1913, стр. 121; т. XXIV, Пгр., 1921, стр. 136. См. также: Житие митрополита всея Руси святаго Алексия, составленное Пахомием Логофетом. Изд. ОЛДП, вып. 1. СПб., 1877, стр. 135—136.

[6] О библиотеке Чудова монастыря см.: И. Снегирев. Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы. М., 1842, стр. 131—152; П. Н. Петров. Книгохранилище Чудова монастыря. — ПДП, т. V. СПб., 1879, вып. IV, стр. 141—199; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 1121—1122; М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей ... Государственного Исторического музея. М., 1958, стр. 22—23.

[7] Опись книгам, в степенных монастырях находившимся, составленная в XVII веке. Издал В. М. Ундольский. — ЧОИДР, 1848, год третий, кн. 6, стр. 13—15 (под №№ 412—653). Одна пергаменная рукопись (№ 466) названа «книга Правило», а остальные 45 (№№ 511—556) обозначены так: «Сорок пять книг дестевых и полудестевых и четвертных всяких на харатьях, ветхи».

[8] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1916 (оттиск из «Трудов XV Археологического съезда в Новгороде, 1911 г.», т. II, М., 1915), стр. 169 (под № 5).

[9] Эта рукопись хранилась не в библиотеке монастыря, а в его ризнице. В 1917 г. она исчезла, и ее нынешнее местонахождение неизвестно.

начала XII в. (ГИМ., Чуд. 7). В конечном итоге, если мы не будем принимать в расчет рукописи явно немосковского происхождения, а также рукописи, написанные раньше основания Чудова монастыря, то книг современных ему (второй половины XIV и начала XV в.) останется не так уж много — 20, а с присоединением бывшего чудовского Устава церковного, хранящегося в Синодальном собрании — 21.

Как бы ни было велико желание рассматривать все эти оставшиеся 21 рукопись в качестве чудовских (а среди них такие несомненно есть), мы должны проявить осторожность и в суждениях своих опираться исключительно на памятники, происхождение которых засвидетельствовано более или менее бесспорно. К величайшему сожалению, ни одна из упомянутых выше 21 рукописи не содержит таких приписок, где было бы сказано, что она была написана здесь, в Чудовом. Большинство рукописей приписок вообще не имеет, а в тех случаях, когда они все же есть, их содержание не всегда понятно и допускает разные истолкования. Чудовскими такие рукописи можно считать лишь условно. Не исключено, конечно, что они были написаны в самом Чудовом монастыре, но равным образом и допустимо, что писались они в другом месте и только предназначались для Чудова. Это Устав церковный конца XIV в. из Синодального собрания и две рукописи из Чудовского собрания: Толкования на книгу Иова Олимпиодора Александрийского конца XIV в. (на пергамене) и Псалтирь с восследованием начала XV в. (на бумаге).

Устав церковный (ГИМ, Син. 329),[10] помимо записи XVII в., удостоверяющей, что он принадлежал Чудову монастырю, интересен особым упоминанием в чине утрени на литии вместе с прочими бесплотными силами имени архангела Михаила. А. В. Горский и К. И. Невоструев заключили отсюда, что книга написана, вероятно, в Чудовом монастыре. Приписки XV в. памятей митрополиту Петру (л. 72 об.) и митрополиту Алексию (л. 100) говорят о том, что рукопись действительно московская и что она чудовская, ибо память об Алексии поддерживали в первую очередь, конечно, в его собственном монастыре, а не на стороне.

Другая рукопись — Толкования на Книгу Иова (ГИМ, Чуд. 6)[11] — написана неким «рабом божиим» Александром, который закончил ее переписку «на память святаго отца Кирьяка отходника и поустыньника». В его приписке дата написания рукописи не указана. Зато в другой приписке, написанной не рукою Александра, но почерком того же времени, говорится: «а се книги Михаилова чуда, а написаны в лето 6902 [1394] марта въ 20, а час 6 дню». Обычно дата второй приписки и принимается за дату всей рукописи. Но память отшельнику и пустыннику Кириаку, в день празднования которой писец Александр закончил свой труд, падает не на 20 марта, а на 29 сентября. Следовательно, хронологическое указание второй приписки относится не к рукописи в целом, а фиксирует исключительно один только тот момент, когда кому-то из братии Чудова монастыря вздумалось написать владельческую запись «а се книги Михаилова чюда». Рукопись же была завершена, очевидно, несколько раньше 1394 г. Хотя чудовское происхождение памятника остается, таким образом, несколько неясным, я все же думаю, что она была написана здесь и что владельческая запись только зафиксировала то, что по обычному монашескому смирению опустил писец Александр.

---

[10] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. V. М., 1869, № 384.

[11] П. Н. Петров. Книгохранилище Чудова монастыря, стр. 142.

Третья предполагаемая чудовская рукопись — Псалтирь с восследованием начала XV в. (ГИМ, Чуд. 177).[12] Приписка на одном из ее листов гласит следующее: «Сия книгы кончяни быша на память святаго отця нашего Григорья великия Армения месяця семтября в 30. Господи, помози рабоу своему Остафью дьякоу, списавшю сиа книги великомоу архангелоу Михаилу въ честь и в славу». Хотя в приписке и не сказано, что дьяк Остафий был из братии Чудова монастыря, рукопись, наверное, написана все же в Чудовом, ибо ее писал не один Остафий, а несколько писцов, что очень характерно как раз для рукописей монастырского происхождения.

Все три книги — Устав церковный, Толкования на книгу Иова и Псалтирь — в художественном отношении никакого интереса не представляют. Первые две рукописи не имеют ни заставок, ни инициалов, а только обычные киноварные заглавные буквы. Написаны они уставом, переходящим в полуустав, притом во многих местах весьма небрежно. Третья рукопись написана уже чистым полууставом. Она содержит киноварные инициалы балканского стиля, которые вошли у нас в обиход с конца XIV в., но инициалы эти относятся к разряду наиболее простой модификации подобного стиля и малоинтересны.

Отсутствие художественных элементов в этих рукописях — явление не случайное. Оно присуще и многим другим рукописям Чудова монастыря. Их декоративная сторона в лучшем случае исчерпывается либо заставкой, либо несколькими неважными инициалами. Лицевых рукописей в собрании всего две — Постнические слова Василия Великого 1388 г. (ГИМ, Чуд. 10) и Евангелие конца XIV г. (ГИМ, Чуд. 2), но что касается первой, то ее чудовское происхождение не засвидетельствовано, а вторая лицевая рукопись, как мы уже упоминали, попала в Чудов монастырь не раньше XVI в., о чем говорит вкладная на ее листах 133—135 и 137 — «положение попа Иосифа». Из числа же нелицевых экземпляров наиболее интересен Требник конца XIV в. (ГИМ, Чуд. 5), широко известный своим превосходным инициалом «Б» в виде человека, греющего у костра руки, с пояснительной надписью «мороз, рукы греет», но в литературе эта рукопись уже давно слывет новгородской,[13] и пока нет никаких данных, которые бы это мнение опровергли.

Равным образом, как и рукописи Чудова монастыря, не являются памятниками искусства и те рукописи, которые были написаны в Спасо-Андрониковом монастыре.[14] Книг, происходящих из этого монастыря, вообще немного. В отличие от чудовской библиотеки, сохранившейся относительно хорошо, в Спасо-Андрониковом монастыре уже во второй половине XIX в. не оставалось ни одной древней рукописи. Они все либо разошлись по другим библиотекам Москвы, либо вообще были увезены

---

[12] Там же, стр. 159.

[13] А. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV века. — ПДП, т. CLXXXIII, СПб., 1913, стр. 61, 65—66, табл. VI (рис. 8); А. В. Арциховский. Прикладное искусство Новгорода. — В кн.: История русского искусства. Изд. АН СССР, т. II. М., 1954, стр. 291, 292.

[14] Андроников монастырь основан вскоре после 1355 г. митрополитом Алексием. Первым игуменом его был ученик Сергия Радонежского Андроник. См.: Житие митрополита всея Руси святаго Алексия, составленное Пахомием Логофетом, стр. 122—130; Н. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 33—35, 61—65 и 130—131; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. Изд. 2. СПб., 1862, стр. 22; Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. М., 1865; Филарет, архиеп. Черниговский. Русские святые, т. II, май—август. Изд. 3 СПб., 1882, стр. 239—243; М. В. Толстой. Книга глаголемая описание о российских святых. — ЧОИДР, 1887, кн. 4, отд. II, стр. 70—71 (под № 183).

отсюда в разные концы России. Из трех андрониковских датированных рукописей одна была найдена в Спасо-Преображенском старообрядческом монастыре на Иргизе в Заволжье, другая — в Синодальном собрании в Москве, а третья — далеко на севере, в какой-то неизвестной деревне около Каргополя. Эта последняя — Златоструй 1406 г. — известна нам ныне только по описанию,[15] сама она, вероятнее всего, уже давно погибла. Но две первые рукописи сохранились. Это Постнические слова Василия Великого 1390 г. (Москва, Музей имени Андрея Рублева) [16] и Изборник 1404 г. (ГИМ, Син. 275).[17] Постничество Василия Великого написано андрониковским иноком Василием, который в послесловии просит «святую братию о Христе» не порицать его за то, что книга его «неудобрена», т. е. не украшена, как следовало бы, и неискусна. Рукопись, действительно, в этом отношении неважная. Видно, что Андроников монастырь в конце XIV в. не мог похвалиться обилием художников. Место, предназначенное писцом для заставки (на л. 2), так и осталось пустым, а киноварные балканские инициалы, нарисованные писцом собственноручно, настолько трафаретны, что их можно в расчет даже и не принимать. В Изборнике 1404 г., как и в предыдущей рукописи, тоже оставлено место для заставки (на л. 2), но сама заставка опять не нарисована. Рукопись написана превосходным мелким полууставом, ясным и красивым, но инициалы ее немногочисленны и носят несложный характер. Писец Онфим, написавший книгу, говорит в послесловии, что он «нехудожне сию снискахом», и его слова совершенно справедливы.

По сохранившимся рукописям, написанным в Чудовом и Спасо-Андрониковом монастырях, видно, что художественный уровень их в общем очень невысок. Переписка книг несомненно велась в обеих обителях интенсивно, но имела, видимо, своей целью не столько создание дорогих роскошных манускриптов с красочными лицевыми изображениями и золотыми инициалами, сколько пополнение монастырских библиотек сочинениями святых отцов, среди которых особой популярностью явно пользовался Василий Великий. Это была деловая литература, предназначавшаяся для повседневного монастырского употребления, для келейного чтения и чтения на соборе. Естественно, что украшать подобные книги их писцы и не стремились. Всякая такая рукопись заведомо писалась с расчетом на то, что ее истреплют и зачитают, поэтому расходовать средства впустую никто, конечно, желания не выражал. Что же касается посильного стремления писцов украшать свои труды заставками и рисованными инициалами, то оно по большей части было слабым и эффекта не имело, а специального рисовальщика книжных миниатюр и орнаментальных заставок ни в том, ни в другом монастыре не существовало, о чем свидетельствуют так и оставшиеся пустыми оставленные для заставок места.

Кроме чудовских и спасо-андрониковских рукописей, имеется небольшое количество книг, которые происходят из неизвестных московских монастырей. Самая интересная из них несомненно Постнические слова Ва-

---

[15] В. И. Срезневский. Отчет Отделению русского языка и словесности имп. Академии наук о поездке в Олонецкую, Вологодскую и Пермскую губернии (июнь 1902 г.). — ИОРЯС, т. VIII, кн. 2, СПб., 1903, стр. 242—244.

[16] Рукопись находится в музее на временном хранении. Принадлежит она Куйбышевской областной библиотеке (инв. № 306228). См.: С. Я. Наживина. Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной библиотеки. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 624 (под № 1); М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках, стр. 244, прим. 2.

[17] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. III. М., 1859, № 162 (275).

силия Великого 1388 г. (ГИМ, Чуд. 10).[18] Хотя эта рукопись дошла до нас в составе библиотеки Чудова монастыря, подлинное место ее написания установить затруднительно. Краткое послесловие писца гласит следующее: «В лето 6896[19] [1388] написаны книгы сия замошленьемь архимандрита Якима, а писаниемь черньца Антонья». Содержание послесловия указывает, что книга писалась в монастыре, притом весьма известном, ибо его настоятель имел сан архимандрита, а не игумена, как прочие монастыри. В Москве архимандриты стояли во главе монастырей Спасо-Преображенского на Бору, Симонова, Чудова и Высоко-Петровского.[20] Рукопись Чудовского собрания № 10 наверняка московская, так как ее письмо — деловой, быстрый, неровный полуустав — очень характерен для московской письменности конца XIV в. К тому же на листе 95 почерком писца или во всяком случае современным ему очень мелко написано: «господину [к]нязю великому Василью Дмитриев[ичу]».[21] Эта надпись показывает, что рукопись действительно связана с Москвой. М. Н. Тихомиров предполагал, что Постничество написано в Чудове монастыре, но только на том основании, что под 1386 г. некий архимандрит Яким упоминается в Троицкой летописи.[22] К сожалению, в летописи, как и в рукописи, монастырь не назван, а полный список настоятелей Чудова монастыря за вторую половину XIV в. нам неизвестен. Сведения сохранились только об архимандритах Елисее Чечетке (1379 г.)[23] и Исакии (1397 г.).[24] Поэтому чудовское происхождение Постничества остается весьма проблематичным, и осторожности ради его следует считать просто монастырской московской рукописью, не уточняя, за неимением солидной точки опоры, этого монастыря по имени.

Постничество 1388 г. — рукопись лицевая. Ее сопровождает небольшое погрудное изображение автора книги, святого Василия Великого (рис. 1).[25] Святой написан на желтовато-сером фоне. На нем светлая с коричневыми крестами риза и бледно-голубой с черными крестами омофор. Правой рукою Василий благословляет, а в левой руке держит книгу. Борода у него темно-серая, приближающаяся к черной. Вообще эта миниатюра обращает на себя внимание мрачным, аскетическим колоритом. Он вполне согласуется как с общим обликом книги, весьма бедной, так и с ее содержанием. Трудно подыскать другую рукопись, которая была бы еще более монастырской, чем эта. Форма миниатюры, верх которой имеет необычное закругление, указывает, между прочим, что художник ориентировался не на живописный образ, а на небольшую каменную иконку типа «воротной», то есть носившейся на вороте, на шее. Иконка, по всей видимости, была греческая, так как надпись на рисунке сделана по-гречески: Ο ΑΓΙΟΣ ΒΑΣΙΛΗΟΣ. Ближайшую аналогию миниатюре Постничества 1388 г. составляет одинаковая с нею по размеру и по стилю визан-

---

[18] П. Н. Петров. Книгохранилище Чудова монастыря, стр. 143.

[19] В подлиннике после числа 800 написано еще 900, но это второе число попало сюда случайно (В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 140).

[20] Макарий. История русской церкви, т. IV. СПб., 1866, стр. 211.

[21] У М. Н. Тихомирова (Записи XIV—XVII веков на рукописях Чудова монастыря, стр. 13) эта приписка не отмечена.

[22] М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 430.

[23] ПСРЛ, т. XXV, стр. 196.

[24] П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877, стлб. 162.

[25] В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура великокняжеской Москвы. — В кн.: История русского искусства, т. III. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 91, 94.

тийская камея с изображением св. Ипатия второй половины XIV в. из коллекции резных иконок Троице-Сергиевой лавры.[26]

Менее интересны, чем Постничество 1388 г., другие московские рукописи из неизвестных монастырей: Триодь цветная 1403 г. (ГИМ, Усп. 7-п)[27] и Лествица 1419 г. (ГПБ, Q п. I. 17).[28] Любопытно, что обе они написаны по благословению митрополитов: первая — по благословению и даже повелению митрополита Киприана, а вторая — по благословению Фотия. Это, следовательно, рукописи, возникшие в монастырях, находившихся под контролем митрополичьей кафедры. Такой обителью в Москве, кроме Чудова монастыря, был, пожалуй, один только монастырь Спаса на Бору в Кремле, являвшийся собственно княжеским монастырем, но тесно связанный и с высшим духовенством. И действительно, с некоторой долей вероятности можно утверждать, что вторая рукопись, Лествица 1419 г., появилась в стенах Спасского монастыря на Бору. В послесловии к ней сказано, что она была написана «замышленьем и състроеньем честнейшаго въ священоинокох старца Савы рукою же последняго в диацех Стефана». В московской летописи, в рассказе о рождении князя Василия Васильевича, под 1415 г. фигурирует дьяк Стефан, судя по контексту, инок Спасского монастыря, так как он хорошо знает устную легенду, которая украсила рассказ о рождении

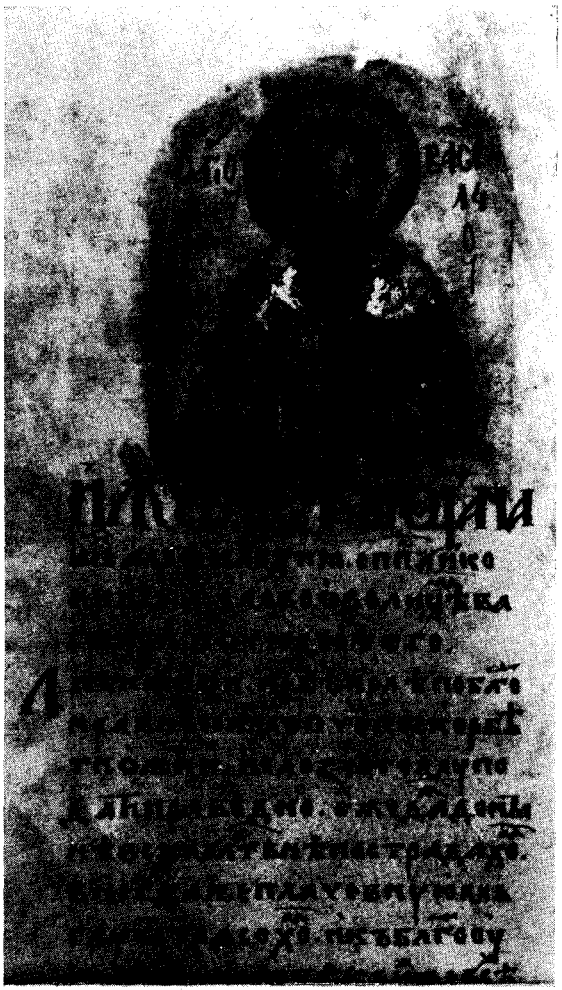

Рис. 1. Постнические слова Василия Великого. 1388 г. Москва, неизвестный монастырь. Миниатюра — св. Василий Великий. (ГИМ, собр. Чудовское, 10, л. 1 об.).

[26] Т. В. Николаева. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960, стр. 93 (под № 3).

[27] Г. И. Истомин и М. Н. Сперанский. Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370). — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 94—95 (под № 7/1088).

[28] Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1953, стр. 62.

князя Василия чудом, якобы случившимся в монастыре Спаса на Бору. Летописец так прямо и ссылается на источник, из которого он почерпнул информацию о чуде: «... мне же о сем Стефан дьяк сказа».[29] Наверное, этот Стефан и был писцом Лествицы 1419 г.[30]

Наиболее четкое представление о масштабах, основных направлениях и художественном уровне монастырского книгописания дает библиотека Троице-Сергиевой лавры. Расположенная хотя и в окрестностях Москвы, но все же на значительном расстоянии от нее, Троице-Сергиева лавра избежала многих разорений и пожаров, которые оказались катастрофическими для московских монастырей. Она выдержала знаменитую осаду и уцелела в тревожное время польско-литовской интервенции в начале XVII в., ее не коснулось нашествие Наполеона. Местные же пожары, случавшиеся в самой лавре в 1426,[31] 1564,[32] 1628[33] и 1746 гг., к счастью, не затронули монастырской библиотеки. В лаврской истории был только один опасный момент, который мог бы оказаться роковым для древнейших троицких рукописей — это сожжение монастыря Едигеем в 1408 г.[34] Но так как в составе лаврского рукописного собрания до сих пор сохраняются рукописи, написанные здесь еще во второй половине XIV в., то остается заключить, что монастырская библиотека была своевременно эвакуирована в безопасное место и не погибла. По весьма вероятному предположению одного исследователя, братия Троице-Сергиева монастыря во главе с игуменом Никоном бежала от Едигея в Тверь.[35] Там, значит, были укрыты и монастырские книги.

Счастливая судьба лаврской библиотеки обеспечила сохранность множества интереснейших рукописей.[36] В ее составе уцелели и памятники письменности XII—первой половины XIV в. Интересно, что исследователи XIX в. клерикального направления считали все лаврские рукописи, написанные в середине XIV в. и позднее, местными троицкими рукописями, а книги более раннего времени — принадлежавшими Троицкому

---

[29] ПСРЛ, т. XXV, стр. 242.

[30] Монастырь Спаса на Бору был одним из наиболее мощных просветительных монастырских центров в Москве. Здесь интенсивно собирались рукописи, велась их переписка, наконец, в нем же была сосредоточена и вся летописная работа Москвы (В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. IV. М., 1784, стр. 424).

[31] А. А. Зимин. Краткие летописцы XI—XVII вв. — Исторический архив, т. V, М.—Л., 1950, стр. 27.

[32] Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного. — РИБ, т. III, СПб., 1876, стлб. 233.

[33] Краткий летописец Святотроицкия Сергиевы лавры. — ЛЗАК, 1864, вып. 3, СПб., 1865, стр. 25.

[34] О нем рассказывается в Житии Никона Радонежского, написанном в 1440—1459 гг. Пахомием Сербом (В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, Приложения, стр. LXXV).

[35] А. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл Тверской и Епифаний «московский»). — ИОРЯС, т. XXXI, Л., 1926, стр. 168—169. Между прочим, в 1382 г. от Тохтамыша в Тверь же спасался и Сергий Радонежский (Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. Изд. 2. М., 1909, стр. 66).

[36] Об истории и составе библиотеки Троице-Сергиевой лавры см.: Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам профессором Московской духовной академии А. В. Горским в 1841 году. Изд. ОИДР, М., 1879, стр. 165—174; Иларий и Арсений, иеромонахи. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры (далее: Иларий и Арсений. Описание...), ч. I. М., 1878, стр. X—XIV; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1120—1121, 1148—1153; Т. Б. Ухова. Миниатюры, орнамент и гравюры в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Введение к каталогу. — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 22, М., 1960, стр. 5—9.

монастырю с первых же лет его существования. По мнению одного такого исследователя, в библиотеке Троицкого монастыря уже в XIV в. находились и Кондакарь XII в. (ГБЛ, ф. 304, № 23), и пергаменное Мерило Праведное второй половины XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 15), и Златая цепь конца XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 11), и многие другие замечательные памятники письменности и книжного искусства. О Кондакаре он выразился даже так, что по его крюковым нотам (автор плохо знал типы древнерусских нот и не отличал крюков от кондакарной нотации) пели в монастыре еще при жизни преподобного Сергия.[37] На самом же деле собрание пергаменных и вообще старейших рукописей Троице-Сергиевской лавры составилось постепенно, на протяжении нескольких сотен лет, и в него вошло немало рукописей, история которых никак не связана с историей лавры. Упомянутая Златая цепь конца XIV в. появилась в лаврской библиотеке не раньше рубежа XVI—XVII вв., а сначала принадлежала некоему Афанасию Горину, о чем на ее первом листе имеется и соответствующая запись. Пергаменное Мерило Праведное второй половины XIV в. поступило сюда не раньше 1634 г., так как в Описи 1642 г., сделанной в Троице-Сергиевом монастыре, из трех упомянутых ею списков Мерил в библиотеке находилось только два бумажных экземпляра,[38] а третий экземпляр, материал которого не указан и под которым надо подразумевать пергаменный список, значится в этой Описи в числе новоприбывших рукописей, поступивших при казначее старце Симоне Азарьине (1634—1646).[39] Вообще история монастырских рукописных собраний, комплектовавшихся не только и даже не столько путем переписки книг в стенах самого монастыря, сколько путем вкладов и за счет рукописей, остававшихся после смерти монахов, в руки которых они уже попадали неизвестно откуда, заставляет отнестись к рукописям лаврского собрания так же осторожно, как и к рукописям Чудова монастыря, т. е. опираться на памятники, троицкое происхождение которых либо бесспорно, либо весьма вероятно,

Когда мы говорим о монастырских библиотеках, мы должны постоянно помнить, что какие бы разнообразные источники ни использовались для их собрания, все же среди старейших рукописей того или иного монастыря, близких по времени его основанию, обязательно найдутся и местные рукописи. Это убеждение должно покоиться на том основании, что, согласно законам, выработавшимся еще на византийской почве и определявшим круг занятий монахов, последние были обязаны посвящать время, свободное от церковной службы, чтению книг, а в тех случаях, когда их грамотность простиралась до способности к письму, то и переписке рукописей.[40] Правила византийских монастырей по этому предмету еще на заре истории русского иночества были твердо усвоены и в наших монастырях. Патерик Киево-Печерского монастыря дает наглядное представление о том большом значении, которое в его внутренней жизни занимали чтение и переписка книг, особенно в рассказах о Никоне и Феодосии, а также Иларионе, Никите, Григории и Спиридонии.[41] Поэтому не будет никакой на-

---

[37] Н. И. Кедров. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века ее существования. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1892, октябрь, стр. 457.

[38] Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, Отдел рукописей, Опись 1642 г., лл. 296 и 302 об.

[39] Там же, л. 341.

[40] В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 226.

[41] Патерик Киевского Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1911 (серия «Памятники славяно-русской письменности», II), стр. 33—34, 36, 91, 96—97 и 120.

тяжки, если мы скажем, что книгописание в Троице-Сергиевом монастыре началось рано, в первые же десятилетия после его основания, при жизни самого Сергия. Действительно, существует целый ряд источников, говорящих об этом и притом говорящих очень убедительно.

В «Отвещании любозазорным и сказании въкратце о святых отцех, иже в Рустей земли сущых» Иосифа Волоцкого в части, касающейся Сергия Радонежского, Иосиф отмечает нестяжание святого и доказывает это ссылкой на то, что «в обители блаженного Сергия и самыя книги не на хартиях писаху, но на берестах».[42] Это известие Иосифа уже давно было сопоставлено с аналогичным известием Описи 1642 г., сообщающей о хранившихся в ризнице монастыря неких «свертках на деревце чюдотворца Сергия»,[43] т. е. документально подтверждающей слова Иосифа.

Другой источник — Житие Сергия, составленное в начале XV в. Епифанием Премудрым, — свидетельствует о том, что Сергий поощрял книгописание в своем монастыре и отличал иноков, которые предавались этому занятию, от прочих монахов. Епифаний рассказывает, что когда князь Владимир Андреевич Храбрый попросил у Сергия из его братии для основания монастыря в Серпухове «старца именем Афонасия» (Высоцкого), то Сергий пошел навстречу князю и отпустил Афанасия, о котором Епифаний и замечает: «в добродетелех свершена зело строина и учителна и божествены ж писаниих разумна, еже ныне свидетельствуют писаниа его».[44] Епифаний сам был выдающийся книжник, и похвала в его устах Афанасию Высоцкому это, конечно, не пустое слово. Ссылку на афанасиевы «писаниа», между прочим, надо понимать как указание на какие-то рукописи, написанные им собственноручно. Что Афанасий отлично владел искусством письма, это видно по его автографу в рукописи, переписанной при его настоятельстве в Серпуховском Высоцком монастыре в 1381 г. дьяконом по прозвищу Вунько. Сам Вунько почтительно называет Афанасия «отцом своим»,[45] но в переписанной им книге есть и другая приписка, сделанная красивым мелким полууставом, которая говорит о написании рукописи «при игумене грешномъ Афанасьи».[46] Эта вторая приписка и есть автограф Афанасия.

Опись 1642 г. содержит сведения еще об одном ученике Сергия, подвизавшемся по части книгописания, — об Исаакии Молчальнике. Прозвище свое он получил потому, что ради великого смирения добровольно наложил на себя обет пожизненного молчания. В Описи упоминаются две рукописи, переписанные им: Евангелие в десть на бумаге «Исаковское Молчалникова»[47] и Псалтирь в полдесть на бумаге же «писма Исака Молчалникова».[48] Обе рукописи были весьма старые, так как Троицкая летопись сообщает, что Исаакий умер зимою 1387 г.[49]

---

[42] ЛЗАК, 1862—1863, вып. 2, СПб., 1864, стр. 81.

[43] Опись 1642 года, л. 100.

[44] Н. Тихонравов. Древние жития преподобнаго Сергия Радонежского. М., 1892, отд. 1, стр. 132. См. также: ПСРЛ, т. XI, стр. 144.

[45] ГИМ, Син. 193, Пандекты Никона Черногорца, 1381 г., л. 1.

[46] Там же, л. 211 об.

[47] Опись 1642 года, л. 272 об.

[48] Там же, л. 278 об.

[49] М. Д. Приселков. Троицкая летопись, стр. 432. В Описи 1642 г. упоминается какое-то Евангелие с обозначением «елисеевское» (л. 271). Е. Е. Голубинский допускал, что оно могло принадлежать еще одному, третьему, ученику Сергия дьякону Елисею (Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 94, прим. к стр. 93). Но описание рукописи (лицевой, с шелковыми прокладками, золотыми кистями, серебряными застежками, в бархатном переплете) убеждает нас, что такая роскошная рукопись не могла принадлежать Елисею. Речь идет несомненно

Ранние рукописи, середины и второй половины XIV в., если они начисто лишены каких-либо приписок писцов или даже более поздних записей, которые бы удостоверяли место их происхождения, поддаются определению очень плохо. При всем желании выявить из лаврских фондов побольше рукописей, написанных еще при жизни Сергия Радонежского, мы должны ограничиться двумя-тремя памятниками. Возможно, троицким является Евангелие середины XIV в., хранившееся в ризнице лавры (ГБЛ, ф. 304, М. 8651).[50] Леонид, описывая рукописи ризницы, датировал Евангелие началом XIV в., но вместе с тем заметил, что «Евангелие это по всем приметам принадлежало собственно Сергиеву монастырю и писано в оном при жизни его св. основателя и есть самое древнее из всех уцелевших доселе».[51] Так как Сергиев монастырь основан не ранее 1345 г., то это второе мнение Леонида надо уже понимать как указание на более позднюю дату рукописи, нежели начало XIV в. По всем признакам рукопись действительно середины XIV в., а не начала его. Пергамен, на котором она написана, плохой, инициалы скудны и неизобретательны, письмо неровное, неискусное. Заставки нарисованы киноварью на зеленом фоне. Крупные формы рисунка и отсутствие обычной разделки его ресничками, кружочками и полосками сообщают обеим заставкам несколько пустоватый вид, несвойственный подлинным московским рукописям середины XIV в. — ни Сийскому Евангелию, ни Евангелию Симеона Гордого, ни даже более бедному Евангелию 1358 г. Поэтому не исключено, что ризничное Евангелие действительно троицкое и что его создание, возможно, было приурочено к сооружению второй деревянной монастырской Троицкой церкви в середине 50-х годов XIV в.[52]

В Описи 1642 г. вместе со «свертками на деревце» Сергия Радонежского упоминаются два его служебника. «Свертки на деревце» до нас не дошли, так же как и один Служебник, но второй Служебник сохранился. В 1682 г. он был взят из Троицкого монастыря в Москву «на обличение раскольников» да так и остался в Патриаршей библиотеке. В настоящее время он хранится в Синодальном собрании рукописей в ГИМ (Син. 952).[53] Принадлежность Служебника Син. 952 Сергию засвидетельствована в рукописи двумя приписками. Одна приписка (на л. 9) древняя, XV в., она гласит: «Преподобнаго освященного отца нашего игумена Сергиа чюдотворца». Другая (на лл. 4—10) относится к XVII в. и сделана, вероятно, в момент поступления рукописи из монастыря в Патриаршую библиотеку: «Служебник преподобнаго отца игумена Сергия Радонежскаго чудотворца».

о каком-то другом Елисее, а само Евангелие, судя по его описанию, не старше второй половины XV или XVI в.

[50] Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — ЧОИДР, 1880, кн. 4, № 2; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Издание Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921, стр. 9—10; Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии. — Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 22, стр. 147—148.

[51] Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры, стр. 16—17 (под № 2).

[52] См.: И. И. Бурейченко. К истории основания Троице-Сергиева монастыря. — Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника, вып. 3, Загорск, 1960, стр. 37.

[53] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. V, № 347 (952); А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие, стр. 127 (под № XXI). Существует литографированное издание этого Служебника, выпущенное архимандритом Амфилохием в 1865 г. (экземпляр Загорского гос. историко-художественного музея, инв. № 4881).

Служебник Сергия — типичная рукопись второй половины XIV в., не очень хорошо написанная и без особого искусства украшенная одной узкой заставкой.[54] Заставка рисована киноварью и раскрашена чернилами и желтой краской. Это кустарное исполнение орнамента наводит на естественную мысль, что Служебник написан не по специальному заказу, а своими средствами, руками одного из троицких монахов. Не исключено, что это автограф Сергия. Писать он умел. В его житии рассказывается, как он обучался грамоте и письму в радонежской школе, и хотя наука давалась ему с трудом, было бы сверхкритикой думать, что он так и не выучился ни чтению, ни письму. Напомню, что митрополит Алексий весьма желал видеть Сергия своим преемником на митрополичьей кафедре всея Руси, но если бы Сергий не был хорошо грамотным и даже по-своему книжным человеком, такое желание, разумеется, не могло бы даже и возникнуть.

Первой несомненно троицкой и точно датированной рукописью является замечательный по своей исторической ценности Стихирарь 1380 г. (ГБЛ, ф. 304, № 22).[55] На некоторых его листах сохранились приписки писца, делавшиеся им в процессе работы. Одна такая приписка сообщает нам его имя (л. 1 об.): «Многогрешный раб божии Епифан в недостояньи своем написа си», другая — дату написания книги (л. 48): «В лето 6888 [1380] месяца семпт[ября] 26 на память о агиос Иоанна теолога в среду по вечере почата бысть писати тат[радь]... 1 час нощи». Наконец, еще одна, самая обширная, приписка приоткрывает завесу над повседневной жизнью Троице-Сергиева монастыря, рассказывает о том, что происходило здесь 21 сентября 1380 г. (л. 40): «Месяца септябр[я] въ 21 день в пяток на память о агиос апостола Кондрата по литурги почата бысть писати татр[адь] 6 ...во тож день симоновскии приездил, во тож день келарь поехал на Резань, во тож ... чернца увеща ... день Исакии андроников приехал к нам, во тож день весть приде, яко литва грядуть с агаряны,[56] во [тож день] придоша две телезе ... зе ... скрипень ... в 1 час нощи».

Совпадение имени писца с именем известного агиографа Епифания Премудрого, инока Троицкого монастыря и составителя первого жизнеописания Сергия Радонежского, заставляет предполагать в писце Стихирара 1380 г. именно этого Епифания, тем более что писец обнаруживает знание греческого языка и даже старается блеснуть им, а о том, что Епифаний Премудрый знал греческий язык, известно по его собственному письму, написанному около 1415 г. к игумену Спасо-Афанасиева тверского монастыря Кириллу, где Епифаний рассказывает, что, бывая (в 90-х годах XIV в.) в Москве, он часто посещал мастерскую иконописца Феофана Грека и беседовал с ним.[57]

---

[54] А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства. I. Русская живопись до XV века включительно. М., 1910, табл. CII (против стр. 442), внизу.

[55] Иларий и Арсений. Описание..., ч. I, № 22 (с неверной датой 1303 г.); И. И. Срезневский. Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885, стр. 251—252; Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909, стр. 5, прим.; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 222 и др.

[56] Эти слова приписки несомненно имеют в виду поход на Москву литовских отрядов Ягайла Ольгердовича и татарского войска Мамая, завершившийся 8 сентября 1380 г. их полным разгромом и победой русских на Куликовом поле.

[57] В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113 (письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому: «Аз ... учащах на беседу к нему, любях бо присно с ним беседовати»). Знание греческого языка Епифаний, возможно, вынес из ростовского монастыря св. Григория Богослова, постриженником которого, как пред-

Стихирарь 1380 г. написан хорошим уставом, письмо ровное, выдержано в едином стиле до последнего листа. Видно, что писец был опытный. Рукопись украшена тератологической заставкой, которая состоит из восьми хищного вида животных. Расцвечена заставка яркими красками — желтой, синей и зеленой. Немногочисленные инициалы старовизантийского стиля менее интересны. Расцвечены они так же, как и заставка, т. е. рисованы несомненно одной и той же рукою. Кроме того, на обороте 56-го листа в левом нижнем углу красками нарисована полуфигура бородатого человека с непокрытой головой. В упомянутом уже письме к игумену Кириллу Епифаний говорит о себе, что он был художник («изволися и мне аки изографу», сообщает он, написать в одной книге в четырех местах изображение св. Софии в Царьграде по образцу, полученному от Феофана).[58] Поэтому художественное оформление Стихираря 1380 г., если он действительно написан Епифанием Премудрым, надо отнести целиком на его счет.

Можно думать, что при жизни Сергия книгописание в Троицкой лавре не имело еще характера планомерного процесса, направлявшегося волей самого Сергия. Оно, видимо, осуществлялось в основном в силу личной потребности того или иного монаха в какой-то книге, по частной инициативе. Другое дело — троицкое книгописание при Никоне Радонежском (около 1395—1427 гг.). Никон был цепким, стяжательным хозяином. В отличие от Сергия, совмещавшего в себе игумена и крупного церковного и государственного деятеля, неоднократно исполнявшего ответственные поручения митрополита и великого князя, у Никона на первом плане стояли исключительно местные интересы, заботы о расширении, обогащении и благоустройстве обители. Исполнял он свои обязанности игумена ревностно, и к вящей славе Сергия и самого себя ему удалось поднять монастырское хозяйство на такую высоту и завести в нем такой образцовый порядок, что это наложило отпечаток даже на переписку книг. Она приобрела черты последовательного занятия большой группы иноков, которые, вероятно, были обязаны нести монашеское послушание исключительно по части книгописания, т. е. безостановочно пополнять монастырскую библиотеку все новыми и новыми списками Священного писания, богослужебных текстов, а особенно произведениями аскетическо-созерцательной богословской литературы, какими были творения Василия Великого, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, инока Филиппа, Симеона Богослова, Исаака Сирина, Петра Дамаскина и многих других. Начиная с 1411 г. мы уже можем проследить эволюцию троицкой книгописной мастерской по рукописям, хронологические промежутки даже между датированными экземплярами которых обычно не превышают двух-четырех лет — случай, не имеющий аналогии ни в одном другом московском или подмосковном монастыре.

Чтобы оценить значение Никона в культурно-просветительной истории лавры должным образом, надо помнить, что как в Троице-Сергиевом монастыре, так и во многих монастырях, получивших начало от монастыря Троицкого, на рубеже XIV—XV вв. внутренняя жизнь строилась сравнительно с монастырями более раннего времени по общежитному принципу. Это значит, что в обители все имущество было общим, и вся братия

полагается, он был и в котором он долгое время жил вместе с другим выдающимся книжником и знатоком греческого языка Стефаном Пермским. Подробности см.: Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 3—7 (примечание); А. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл Тверской и Епифаний «московский»), стр. 173.

[58] В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 114.

несла общее послушание, принимала участие в повседневных монастырских делах. В Северо-Восточной Руси общежитие было введено Сергием Радонежским в середине XIV в. и сменило собою другую, противоположную ему форму иноческой жизни — особножитие.[59] Если в особножитных монастырях каждый монашествующий был как бы предоставлен сам себе и виделся с остальными иноками лишь на церковной службе, то в общежитных монастырях он становился членом единого коллектива, и его трудовой день всецело зависел от общего дела. Устраивать монастырское общежитие было, конечно, нелегко. Новый принцип требовал от каждого монашествующего самопожертвования, забвения собственнических интересов, и в условиях социального неравенства, процветавшего в монастырях так же широко, как и в миру, достичь его можно было только личным примером. Сергий часто прибегал к влиянию личного примера и в моменты кризиса всегда брался за дело собственноручно. Эту черту усвоили и его лучшие ученики, среди которых почетное место принадлежит Никону. Зная, что при настоятельстве Никона в лавре широко развернулась книгописная деятельность, мы должны поэтому сразу же предположить, что толчок ей наверняка был дан самим Никоном. И действительно, в лаврской библиотеке сохранилось несколько манускриптов, несомненно принадлежавших Никону и, вероятно, им же написанных.

Местное монастырское предание присваивало Никону три книги — один Служебник и два Евангелия. В XVII в. каждая из этих рукописей была снабжена соответствующей надписью, что она «чудотворца Никона», и с этим обозначением каждая вошла в Опись 1642 г. Все они сохранились: Служебник и одно Евангелие — в собрании рукописей ризницы Троице-Сергиевой лавры, а второе Евангелие — в собрании рукописей Московской духовной академии.

Старейшей никоновской рукописью является, видимо, Служебник (ГБЛ, ф. 304, М. 8670).[60] По упоминанию на ектении имен московских и серпуховских князей, из которых назван Иван, сын серпуховского князя Владимира Андреевича, родившийся весною 1381 г., но еще не назван Андрей, сын великого князя Дмитрия Ивановича Донского, родившийся в августе 1382 г., Служебник датируется 1381—1382 гг.[61] Имена членов семейства серпуховского князя попали в Служебник, конечно, не случайно. Они лишний раз удостоверяют, что рукопись несомненно принадлежала Никону. Дело в том, что Никон был постриженником серпуховского Высоцкого монастыря и до переселения в Сергиев монастырь постоянно жил в Серпухове. Здесь-то он и познакомился с Владимиром Андреевичем. Хорошие отношения между серпуховским князем и Троицким монастырем поддерживались еще при жизни Сергия, но при Никоне они стали особенно тесными. При Сергии Троицкий монастырь больше тянулся к великокняжеской власти, а с настоятельством бывшего серпуховского монаха его ориентация сместилась в сторону удельных князей: сначала Владимира Андреевича Серпуховского, а позднее Юрия Дмитриевича Звенигородского и Галицкого. По предположению Е. Е. Голубинского, Никон

---

[59] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 95 и сл.

[60] Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное ... А. В. Горским в 1841 году, стр. 38—39; Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры, № 8; Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 255—256 и снимок на стр. 191; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры, стр. 9; Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 159—160.

[61] Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное ... А. В. Горским в 1841 году, стр. 38—39.

покинул Серпухов около 1382 г., когда первый игумен Высоцкого монастыря Афанасий, тоже ученик Сергия, оставил родину и ушел в Константинополь.[62] Поэтому равным образом допустимо, что Служебник был написан либо еще в Высоцком монастыре, либо уже в Троице-Сергиевом, но как бы то ни было, ясно, что рукопись эта действительно никоновская.[63]

Служебник Никона написан на пергамене очень маленького формата (9.5×7 см). Его украшения исчерпываются одной только заставкой на заглавном листе, нарисованной киноварью и раскрашенной нежной зеленой краской. Заставка сделана хорошо, но видно все же, что главное внимание писца было обращено не на орнаменты, а на письмо. И действительно, почерк рукописи, бисерный полуустав, исключительно красив и ясен (рис. 2). Выписывая каждую буковку, писец проделал ювелирную работу, так как гусиным пером, которыми пользовались в то время, написать подобную рукопись было очень трудно. Ясно, что она изготавливалась для себя, а не на заказ. Вообще Служебники чаще всего писались для личных надобностей, и эстетические требования к ним в Древней Руси были достаточно высокими. К тому же в силу краткости текста написать Служебник тщательно и красиво было даже заманчиво, и многие писцы, как профессионалы, так и дилетанты, охотно их писали. Существует несколько превосходных Служебников XII—XV вв.: Служебник второй половины XII в. Варлаама Хутынского (ГИМ, Син. 604), Служебник XIII в., приписывавшийся Антонию Римлянину (ГИМ, Син. 605), «Соловецкий служебник» XIII в. (ГПБ, Солов. 1126/1017) и два исключительно выдающиеся по искусству каллиграфии Служебника, написанные иноком новгородского Хутынского монастыря Федором Дмитровым — один в 1400 г. (ГИМ, Син. 600), а другой недатированный, но около того же года (ГПБ, Q п. I. 7). К этой-то группе замечательных рукописей по достоинству относится и Служебник Никона.

Вторая никоновская рукопись — это Евангелие, хранившееся, как и Служебник, в лаврской ризнице (ГБЛ, ф. 304, М. 8652).[64] Размер его несколько больше размера Служебника, но все же не превышает 8° (13.1×10 см). Пергамен прекрасной выделки, тонкий и белый. Несмотря на малые размеры книги, текст написан в два столбца. Почерк одинаковый с почерком предыдущей рукописи и такой же микроскопический. Это Евангелие снабжено четырьмя изумительными по мастерству исполнения тератологическими заставками (рис. 3). Они расцвечены темно-голубой и красной красками. Здесь, словно в фокусе, совместились все лучшие черты русского тератологического орнамента и вся культура его исполнения: они нарисованы и раскрашены изобретательно, свободно, живо и с тою же любовью, с какою написана рукопись в целом. По характеру письма и орнамента Евангелие относится несомненно еще к XIV в. Оно вероятнее всего было написано одновременно со Служебником, хотя сказать наверняка, раньше или позже его, конечно, трудно. Условно рукопись можно

---

[62] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 92.

[63] Е. Е. Голубинский совершенно безосновательно считал ее сергиевской, наверное, потому только, что она написана еще при жизни Сергия (там же, стр. 255, прим. 1).

[64] Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры, № 6; Г. Воскресенский. Алексиевский список Нового Завета и четвероевангелие преп. Никона, Радонежского чудотворца. — Богословский вестник, 1893, июль, стр. 167—173; Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 256 и снимок на стр. 198; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевской лавры, стр. 8—9; Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 148.

датировать началом 80-х годов XIV в. На одном из листов Евангелия (24 об.) на боковом поле киноварью нарисован, между прочим, не имеющий отношения к тексту фасад одноглавой каменной церкви. В Троице-Сергиевом монастыре в те годы каменного собора еще не было. В серпуховском Высоцком монастыре он был, и если рисунок навеян его автору каким-то конкретным зданием, то естественно предполагать, что это был собор Высоцкого монастыря, построенный около 1381 г.[65] Рисунок, разумеется, сделан по памяти, и для обоснования предположения, что рукопись написана в Серпухове, а не у Троицы, в расчет его принимать

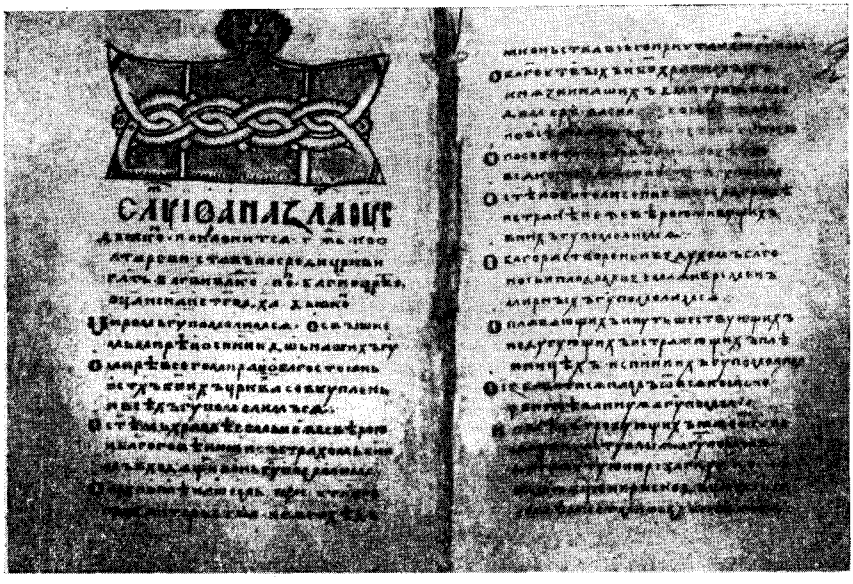

Рис. 2. Служебник Никона Радонежского. 1381—1382 гг. Высоцкий монастырь в Серпухове или Троице-Сергиев монастырь. Разворот рукописи (в нат. вел.). (ГБЛ, ф. 304, собр. Музейное, 8670, лл. 1 об — 2).

нельзя. Как и Служебник, Евангелие могло быть написано в обоих монастырях.

Второе Евангелие Никона (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 138),[66] как и предыдущие две рукописи, похоже на них и тоже относится к числу редких. По небольшому размеру (18.2×14.2 см), почерку и вообще исключительному качеству исполнения оно образует естественное дополнение к ним. Но по стилю заставок и киноварных инициалов оно является памятником уже иной эпохи. Его заставки — типичные образцы балканского книжного орнамента.[67] Это Евангелие обычно датируется рубежом XIV—XV вв.,

---

[65] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II. М., 1962, стр. 206—207.

[66] Леонид, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. 1, М., 1887, № 1 (138); Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 186—187.

[67] В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, табл. XCVI (11); А. И. Некрасов. Очерки декоративного искусства Древней Руси, М., 1924, стр. 61, рис. 62.

но общепринятая дата представляется нам слишком ранней: рукопись написана явно позднее. Можно думать, что это были 10-е годы XV века, потому что киноварные инициалы Евангелия, несмотря на их трафаретность, очень похожи на инициалы Лествицы 1411 г. «чернчища Авраамища» в собрании В. М. Ундольского (ГБЛ, ф. 310, № 192); ср. инициалы «В» на л. 149 в Евангелии и на л. 1 в Лествице и Диоптры Фи-

Рис. 3. Первое Евангелие Никона Радонежского. Начало 80-х годов XIV в. Высоцкий монастырь в Серпухове или Троице-Сергиев монастырь. Лист с заставкой (в нат. вел.). (ГБЛ, ф. 304, собр. Музейное, 8652, л. 15 об.).

липпа философа, написанной в Троице-Сергиевом монастыре в 1418 г. (ГБЛ, ф. 304, № 190; ср. инициалы «В» на л. 149 в Евангелии и на л. 251 в Диоптре). Типы заставок Евангелия находят себе аналогии в рукописях тоже 10-х и даже 20-х годов XV в.: в Лествице 1423 г. (ГБЛ, ф. 304, № 167, л. 357) и Лествице 1425 г. (ГБЛ, ф. 304, № 185, л. 4).

Так как Служебник и оба Евангелия, идущие в документах лавры с именем «чудотворца Никона», написаны одинаковым почерком, а хронологически первые две рукописи отстоят от третьей далеко, то естественно думать, что они не только принадлежали Никону, но что и писал их сам Никон, ибо в противном случае пришлось бы предполагать, что в течение 30—40 лет он прибегал к услугам одного и того же писца, что, ко-

нечно, почти невероятно. Второе Евангелие было написано Никоном несомненно уже в Троице-Сергиевом монастыре. Недаром оно так похоже на другие троицкие книги. И все же, несмотря на возраст Никона (а ему было в то время 50—55 лет), рукопись написана и украшена столь же искусно, как и книги, написанные им в молодые годы.

Кроме последнего Евангелия Никона, известно шесть других книг, написанных в Троице-Сергиевом монастыре при его настоятельстве. Четыре рукописи имеют послесловия с указанием точной даты их написания. Две рукописи года написания не содержат, но их писцы работали при Никоне и упоминают его. Сохранившиеся рукописи следующие: Сборник начала XV в., написанный писцом Назаром (ГБЛ, ф. 304, № 744),[68] Триодь постная начала XV в., написанная писцом Ильей (ГБЛ, ф. 173, Фунд., № 116),[69] Лествица 1411 г. писца инока Варлаама (ГБЛ, ф. 304, № 156),[70] Поучения аввы Дорофея 1414 г. писца инока Антония (ГБЛ, ф. 304, № 165),[71] Диоптра Филиппа философа 1418 г. писца Иосифа (ГБЛ, ф. 304, № 190)[72] и Сборник 1425 г. неизвестного писца (ГБЛ, ф. 304, № 185).[73] Налаженная Никоном переписка рукописей продолжалась и после его смерти, о чем свидетельствуют три книги, законченные в 1429 г. уже при его преемнике игумене Савве II: Устав церковный писца инока Ионы (Казань, Университет, Научная библиотека имени Н. И. Лобачевского)[74] и две половины Пролога, переписанные мирским человеком Евстафием по прозвищу Шепель (ГБЛ, ф. 304, №№ 715 и 717).[75]

Две первые (недатированные) троицкие рукописи, писцов Назара и Ильи, художественного значения не имеют. Что же касается остальных, то их замечательной особенностью является стилистическая общность: все они оформлены с помощью киноварных инициалов и красочных заставок балканского стиля. Качество этих рукописей разное, но в целом хорошее. Даже те немногие рукописи, которые не имеют заставок, производят благоприятное впечатление, потому что их инициалы и письмо, как правило, обнаруживают и умелую технику, и вкус к изящному. Такова рукопись Поучений аввы Дорофея 1414 г. Ее писец монах Антоний не нарисовал в книге ни одной заставки, но зато украсил ее отличными инициалами (рис. 4).

И все же в лаврской библиотеке не очень много первоклассных рукописей ни среди достоверно троицких, ни среди тех, о времени и месте написания которых мы точных сведений не имеем. Обращает на себя внимание и полное отсутствие лицевых рукописей. Все лицевые рукописи XIV—XV вв., которые до нас дошли в составе лаврских рукописных собраний (библиотечного, ризничного и Московской духовной академии), попали

---

[68] Иларий и Арсений. Описание..., ч. III. М., 1879, № 744.

[69] Леонид, архим. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году, вып. 1, № 6 (116).

[70] Иларий и Арсений. Описание ..., ч. I, № 156; Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 102.

[71] Иларий и Арсений. Описание..., ч. I, № 165.

[72] Там же, № 190; Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 107.

[73] Иларий и Арсений. Описание..., ч. I, № 185; Т. Б Ухова. Каталог, стр. 106.

[74] А. И. Артемьев. Описание рукописей, хранящихся в Библиотеке имп. Казанского университета. — ЛЗАК, 1876—1877, вып. 7, СПб., 1884, стр. 161—169 (под № LXXXVIII).

[75] Иларий и Арсений. Описание..., ч. III, №№ 715 и 717; Т. Б. Ухова. Каталог, стр. 142.

сюда со стороны. Их несложно выделить в особую группу: все они московского происхождения. Мы сталкиваемся, следовательно, с картиною, которую уже наблюдали и в рукописях московских монастырей: Чудова, Спасо-Андроникова и неизвестных. Было бы натяжкой предполагать, что лицевые рукописи, написанные в этих монастырях, были, но исчезли, перешли в другие собрания. Лаврская библиотека сохранилась хорошо. Здесь имеется около 60 рукописей XIV—начала XV в., которые либо написаны в Троице-Сергиевом монастыре бесспорно, как вышеупомянутые Стихи-

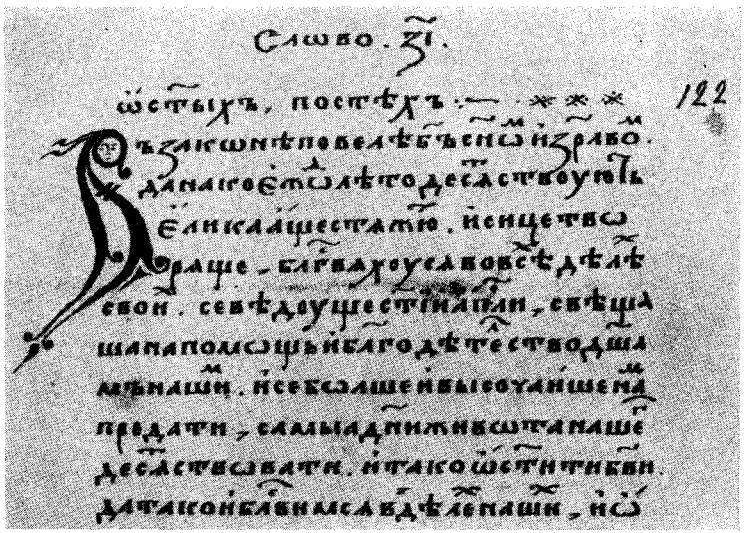
Слово. зі.
122

Рис. 4. Поучения аввы Дорофея. 1414 г. Троице-Сергиев монастырь. Часть листа с инициалом В. (ГБЛ, ф. 304, собр. Музейное, 165, л. 122).

рарь 1380 г. и шесть рукописей, созданных в настоятельство Никона, либо троицкое происхождение которых очень вероятно, а таких более 50. Остается заключить, что ни Чудов монастырь, ни Спасо-Андроников, ни Троице-Сергиев не были центрами производства лицевых кодексов.

Для истории Троицкого монастыря это обстоятельство влечет за собою далеко идущие выводы. Как известно, на Троицкий монастырь часто указывают как на крупную художественную школу, из которой якобы вышел даже Андрей Рублев. Это мнение создалось преимущественно под влиянием компилятивного и к тому же позднего по происхождению «Сказания о святых иконописцах», которое сообщает, что Андрей Рублев жил в послушании у Никона Радонежского и что Никон «повеле ему при себе написати образ пресвятые Троицы».[76] Отсюда обычно делают вывод, что Андрей Рублев был троицким иноком и что как человек и художник он сложился в атмосфере нравственного влияния Сергия Радонежского и в среде троицких иконописцев. При этом для доказательства обычно привлекают известную статью Арсения с историческим обзором лаврского иконописания, где он упоминает о племяннике Сергия Радонежского Федоре,

[76] И. Сахаров. *Исследования о русском иконописании*, кн. 2. СПб., 1849, приложение V, стр. 14; Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. II. СПб., 1910, стр. 397.

с детских лет жившем у Троицы и научившемся здесь искусству живописи.[77] Что Федор умел писать иконы, сомневаться не приходится, так же как и в том, что на протяжении второй половины XIV—первой половины XV в. в Троице-Сергиевом монастыре жило, наверное, несколько монахов, подвизавшихся по части иконописания. Но Троицкий монастырь играл роль своеобразного монашеского университета, члены которого обучались не столько изящным искусствам и литературе, сколько строгой практике иноческого послушания и хозяйственно-деловой сметке. Овладев необходимыми знаниями, троицкие монахи отправлялись обычно на север и основывали новые монастыри, новые феодальные хозяйства (характерно, что ни один из них в области искусства никак не прославился). Состав братии Троице-Сергиева монастыря постоянно обновлялся. Сюда приходили и отсюда уходили. Не случайно монастырское предание сохранило очень мало имен учеников Сергия, живших постоянно с ним.[78] Между тем возникновение и расцвет настоящей художественной школы требовали устойчивой и притом все же, конечно, специальной среды, которая бы имела условия, чтобы ее сочлены-иконописцы могли приложить свое искусство и силы в нужном для них направлении. Но сомнительно, чтобы в постоянно обновлявшемся людском потоке, проходившем через Троице-Сергиев монастырь, выработалась такая среда и такие условия. Во всяком случае ни один из учеников Сергия, за исключением разве что Епифания Премудрого да Федора, архиепископа Ростовского, — художников-дилетантов, не был иконописцем.

Надо, наконец, принять во внимание идейную программу, положенную Сергием в основание налаживавшейся под его управлением местной монастырской жизни. Сергий был сознательным противником всякой роскоши. В его монастыре внешняя сторона обряда и связанного с ним архитектурного, иконописного, ювелирного и прочего ремесла не получила да и не могла получить заметного развития, ибо не это, а внутренняя, умственная работа и строгая атмосфера нравственного и трудового подвига должны были, по его мысли, определять течение монашеского дня. Поэтому у него на первом плане стояли «труды телеснии, смирение нелицемерное, молитва непрестающия..., худость ризная, память смертная, страх божий непрестанный»[79] и наверняка отсутствовало какое бы то ни было стремление «исказить пустыню», сделать монастырь хозяйством по обслуживанию церковного строительства. Насколько непритязателен был Сергий к внешней стороне монастырского и вообще церковного быта в личной жизни, хорошо показывают принадлежащие ему вещи: деревянные потир, дискос и блюдце, простая темно-вишневого цвета холщовая риза и его келейные иконы Богоматери и Николы чудотворца. Последняя икона вообще имеет настолько суровый вид, что святой напоминает отчасти даже деревянного идола. Конечно, это не то искусство, под воздействием которого сложился стиль живописи Андрея Рублева.

Если бы в Сергиеве монастыре действительно имелась живописная мастерская, было бы странно, что она не оказала никакого влияния на оформление местных рукописей, не позаботилась о том, чтобы украсить

---

[77] Арсений, иером. Исторические сведения об иконописании в Троицкой Сергиевой лавре. — Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1873, стр. 119.

[78] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 90—94.

[79] Житие преподобного Сергия Радонежского. Литографированное издание с рукописи XVI века. Литография Свято-Троицкия Сергиевы лавры. 1853, л. 87 об.

их лицевыми изображениями или хотя бы достойными орнаментальными композициями. Лицевые рукописи не являются самостоятельной отраслью живописного ремесла, развитие которой осуществлялось бы силами какой-то особой категории книжных мастеров-миниатюристов, обычно миниатюры писались теми же мастерами, которые изготовляли иконы и работали в области фрески. Поэтому отсутствие лицевых рукописей троицкого происхождения XIV—начала XV в. можно понимать как ясное указание и на отсутствие в Сергиевом монастыре иконописной школы. Ее не было ни в XIV в., ни даже в то время, когда после восстановления в 1411 г. монастыря, сожженного татарами Едигея, здесь образовалась деятельная группа монахов переписчиков. Рукописи, которые они создавали, оформлялись силами их самих, и уровень художественного оформления той или иной книги обеспечивался не общим уровнем искусства специальной централизованной мастерской, а силами каждого каллиграфа в отдельности. Что Троицкий монастырь не имел своих иконописцев даже в конце первой трети XV столетия, об этом красноречиво свидетельствует история росписи каменного собора, построенного Никоном над могилою Сергия в 1423—1424 гг. Когда в 1425 г. Никон задумал украсить его иконостасом и фресками, сделать это оказалось нелегко· времена были тяжелые, Москва и ее окрестности страдали от голода и мора. «Побеждаемый желанием» довести начатое дело до конца, Никон все же решил приступить к росписи церкви. Однако ему пришлось потратить немало усилий, чтобы преодолеть нежелание братии расходовать монастырскую казну на работы по росписи собора фресками и на писание икон: «От некых възбраняем бяше, гладу бывшю тогда велику скудости ради прилучивъшоися».[80] Ропот братии можно объяснить лишь тем, что художников надо приглашать со стороны и платить им. Если бы они были в монастыре свои, никаких трудностей бы не возникло. Но ни в Троице-Сергиевом, ни в Чудовом, ни, вероятно, в Спасо-Андрониковом монастыре, как это хорошо видно по оставшимся от них рукописным книгам, собственных иконописных мастерских не было. Уровень оформления их рукописей редко поднимается выше среднего, а если и поднимается, то это рукописи довольно поздние: 10-х или даже 20-х годов XV в. Значит, и мастерскую, где обучался Андрей Рублев, и монастырь, иноком которого он был в ранние и зрелые годы, надо искать не среди этих монастырей, а в каком-то ином, четвертом месте.

М. Н. Тихомиров предполагает, что это был Андроников монастырь,[81] с чем, однако, согласиться нельзя. Надо обратить внимание на то, что в начале XV в. Рублев работал преимущественно по заказам великого князя (Благовещенский собор, Успенский собор во Владимире). Это дает некоторые основания думать, что он был *великокняжеским мастером и, следовательно, вышел из монастыря, тесно связанного* с жизнью княжеского двора. Во второй половине XIV в. таких монастырей в Москве было два: Спаса на Бору в Кремле и Успенский Симонов. О первом из них мы почти ничего не знаем, но второй несомненно играл выдающуюся роль как в церковно-политической, так и в культурной жизни Москвы. Думается, что именно в Симоновом монастыре Андрей Рублев и получил художественное образование.

Основателем и первым игуменом Симонова монастыря был Феодор, племянник Сергия Радонежского, будущий архиепископ Ростовский. Уже при Дмитрии Донском Симонов монастырь получил широкую известность, и к нему были очень расположены как великие и удельные князья, так и вообще московская знать: «Князи же и боляре и вельможи даяху имения многа, злато и сребро на строение монастыря ... и бысть монастырь его (Феодора, — *Г. В.*) честен и славен и превзыде многих честию и славою и величеством, и бысть преподобный Феодор духовный отец самодержцу благовер-

---

[80] Н. С. Тихонравов. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, *стр. 177, прим. 2 к стр. 176.*

[81] М. Н. Тихомиров. Андрей Рублев и его эпоха, стр. 7—8.

ному великому князю Дмитрию и тысяцкому, и боляром, и вельможам...».[82] Мощную поддержку Симонову монастырю оказывали не только московские князья, но и греческие патриархи. В 1383 г. патриарх Нил посвятил Феодора в архимандриты и возвысил его «паче иных», а в 1388 г. Симонов монастырь, единственный из русских монастырей того времени, стал патриаршей ставропигией, т. е. перешел в непосредственное ведение константинопольского патриархата, целиком освободившись от какой бы то ни было власти московского митрополита.[83]

М. Н. Тихомиров заметил как-то, что Симонов монастырь «ничем не прославился ни в искусстве, ни в письменности».[84] Это необоснованное утверждение. Напротив, существует немало прямых и косвенных данных, из которых видно, что Симонов монастырь в отличие от других монастырей был значительным рассадником искусства. Он был первым монастырем, где началось строительство большого каменного собора (1378).[85] Основатель монастыря Феодор, по свидетельству «Сказания о святых иконописцах», был художником, «писаше многия святые иконы», и предание указывало даже, что он написал образ своего дяди Сергия Радонежского и Деисус в церковь Николы на Болвановке.[86] В Симоновом монастыре имелись благоприятные условия для художественного творчества. Мы знаем, что здесь на рубеже XIV—XV вв. жил и работал греческий художник Игнатий,[87] что отсюда Кирилл Белозерский вынес в 1397 г. на север хорошую икону Одигитрии.[88] В Симоновом монастыре жил бывший смоленский епископ Михаил, заказчик и первый владелец лучшей русской лицевой рукописи конца XIV в. — Киевской Псалтири 1397 г.[89] Есть основания думать, что из Симонова монастыря происходил замечательный каллиграф и рисовальщик начала XV в. инок Кириллова-Белозерского монастыря Христофор, которому принадлежит несколько превосходных орнаментированных рукописей.[90] Наконец, из одной грамоты середины XV в. известно, что в Симоновом монастыре было развито ювелирное и иконописное дело, причем указываются даже имена — старцы Андрей («златой мастер») и Митрофан («иконник»).[91] Этих данных достаточно, чтобы обратить внимание

---

[82] Леонид, архим. Житие св. Феодора, архиепископа Ростовского (по Синодальному списку 1723 г., № 580). — Душеполезное чтение, 1891, май, стр. 12—13. Житие Феодора написано в 1723 г. Несмотря на это, оно является одним из лучших по полноте и связному изложению фактического материала, почерпнутого преимущественно из летописей и древних житий святых, бывших современниками Феодора.

[83] Там же, стр. 150 и 153.

[84] М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках, стр. 191.

[85] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков, т. II, стр. 185—186. Строительство осуществлялось несомненно с помощью великого князя, так как при соборе был учрежден придел Дмитрия Солунского, патрона Дмитрия Донского (Житие св. Феодора, архиепископа Ростовского, стр. 153).

[86] Ф. И. Буслаев. Сочинения, т. II. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1910, стр. 396.

[87] В. И. Антонова. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 572.

[88] В. И. Антонова. Иконографический тип Перивлепты и русские иконы Богоматери в XIV веке. В кн.: Из истории русского и западноевропейского искусства. Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 112 (рисунок), икона хранится в Гос. Третьяковской галерее.

[89] ГПБ, ОЛДП F6. Рукопись написана писцом Спиридоном, написавшим также Евангелие 1393 г. (ГПБ, Q п. I. 18). Спиридон был москвич и служил протодиаконом в Успенском соборе. В 1396—1397 гг. он сопровождал митрополита Киприана в Киев и жил там вместе со всем митрополичьим двором полтора года (ПСРЛ, т. XXV, стр. 226—227). С Киприаном в Киев ездил и владыка Михаил, по заказу которого Спиридон писал рукопись. Осенью 1397 г. все они вернулись в Москву. Не исключено, что миниатюры (они расположены на полях рукописи) были исполнены уже в Москве, вероятно даже в Симоновом монастыре.

[90] Евангелие 1416—1417 гг. (Гос. Русский музей, Б-К № 3268), Часослов 1423 г. (ГБЛ, ф. 304, № 16) и Псалтирь 1424 г. (Гос. Русский музей, Др./гр. 17). Все эти рукописи написаны им на севере, но по стилю они образуют единое целое с московскими рукописями.

[91] Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. 1. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1857, № 52, стлб. 166, 167, 168. Грамота датирована 1462—1464 гг., но имена Андрея и Митрофана содержатся в тех ее частях, где цитируются более старые документы, относящиеся к 1447—1453 гг.

Уместно вспомнить, что между 1467 и 1477 гг. некий Митрофан-иконник и его артель, в которую входил также Дионисий, расписывали каменный собор в Пафнутьевом Боровском монастыре (В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911, стр. 21).

на художественное значение Симонова монастыря. Ни Троице-Сергиев, ни Чудов, ни Спасо-Андроников монастыри не имели столь удачных условий для развития искусства, как Симонов монастырь. Поэтому естественнее предположить, что Андрей Рублев обучался именно здесь.[92]

Троице-Сергиев монастырь еще в начале 70-х годов XIV в. сделался рассадником новых монастырей, основанных либо самим Сергием, либо его многочисленными учениками. Лично Сергий, кроме Троицкого монастыря, основал по разным случаям 6 монастырей: для себя в год известного конфликта с братом своим Стефаном — Киржачский Благовещенский, по поручению великого князя Дмитрия Ивановича Донского — Симонов Успенский (около 1370), Стромынский Успенский (1381), Дубенский Успенский (около 1382) и коломенский Старо-Голутвин Богоявленский (около 1385) и, наконец, по поручению серпуховского и радонежского князя Владимира Андреевича — серпуховский Высоцкий монастырь во имя Зачатия св. Анны (1374).[93] Учениками Сергия основано 10 монастырей: Мефодием — Песношский Никольский, Саввой — Рождества Богородицы на Сторожах в Звенигороде, Сильвестром — Обнорский Воскресенский, Павлом — Комельский Троицкий, Сергием — Нуромский Спасский, Авраамием — четыре монастыря во имя Богородицы в районах Галича и Чухломы и Иаковом — Железноборский во имя Иоанна Предтечи.[94]

Не все новооснованные монастыри оставили след в истории искусства, большинство их не имело в этой области никакого значения. И лишь Симонов, серпуховский Высоцкий и Саввин-Сторожевский монастыри сделались либо местом жительства видных деятелей культуры и церкви, как Симонов и Высоцкий, либо точкой приложения творческих сил замечательных архитекторов и живописцев, как Саввин-Сторожевский.

Книгописная деятельность Симонова монастыря рисуется пока очень смутно. Единственное четкое свидетельство о нем содержится в житии Кирилла Белозерского, который до ухода на север жил в Симоновом монастыре. Автор жития Пахомий Логофет рассказывает: «Помысли архимандрит (Феодор, племянник Сергия Радонежского, — *Г. В.*) некую книгу писати и сего ради блаженному Кирилу повелевает от поварни изыти в келию и тамо книгу писати, якоже оуслыша Кирил, отиде в келию ... и тамо ... подвизашеся в писаниих...».[95] Это известие, помимо его конкретной исторической ценности, является весьма важным для характеристики монастырского книгописания XIV в. в целом. Оно показывает, что даже в крупнейших монастырях книгописание осуществлялось не силами писцов-профессионалов, а грамотными иноками, исполнявшими в остальное время обычную работу наравне с прочей братией. Отсюда же видно, что переписка книг в русских монастырях XIV в. велась по кельям, а не в особых книгописных палатах, подобных западноевропейским скрипто-

---

[92] Нетрудно также объяснить, почему последние годы он провел в другом монастыре — в Андрониковом. С 1390 г. в Симоновом монастыре наступило «развращение» обычаев и преданий Феодора, виновником чего был некий Сергий Азаков, домогавшийся игуменского сана (Житие св. Феодора, архиепископа Ростовского, стр. 309). От этого «развращения» и вынужден был, наверное, бежать Рублев. В подобной ситуации оказался и Кирилл Белозерский, который последние семь лет перед уходом на север жил не в новом Симоновом монастыре, а в старом, около церкви Рождества Богородицы (Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века, т. 1, вып. 1. СПб., 1897, стр. 14).

[93] Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра, стр. 50, 61, 64—66, 76 и 77.

[94] Там же, стр. 79—82.

[95] В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908, Приложение, стр. XII.

риям. Возможно, что местной симоновской рукописью является хранящаяся ныне в составе собрания Троице-Сергиевой лавры Первая книга Петра Дамаскина 2-й половины XIV в. на бумаге (ГБЛ, ф. 304, № 179). Она имеет запись первой половины XV в.: «Петр Дамаскын Симонов[а] мон[а]стыря». Правописание рукописи сербское, но эта особенность для истории московского просвещения XIV—XV вв. очень характерна: сербов в Москве было много и лица монашествующие жили, конечно, по монастырям, так что сербское правописание книги еще не доказывает, что она была написана за пределами России. Но художественного значения она не имеет.

Более основательны наши сведения о рукописях серпуховского Высоцкого монастыря. Высоцкий монастырь основан в 1374 г. Его первым игуменом по желанию серпуховского князя Владимира Андреевича Сергий поставил своего ученика Афанасия.[96] Поскольку этот монастырь был задуман Владимиром Андреевичем как личный княжеский монастырь, т. е. по типу московского кремлевского монастыря Спаса на Бору, постольку заботы князя по церковной части обращались, конечно, в первую очередь на собственную обитель. Это объясняет нам, почему Высоцкий монастырь сразу же выдвинулся в число известных, а его игумен стал желанным собеседником даже таких иерархов русской церкви, как митрополит Киприан, которого, кстати сказать, Афанасий Высоцкий сопровождал даже в его поездке в 1382 г. в Константинополь. Уже в 1381 г. в Высоцком монастыре была построена каменная церковь. Афанасий положил, видимо, немало сил на ее достойное украшение. В 1387 г., когда он оставил Россию и поселился в одном из монастырей Царьграда, он все еще проявлял заботу о своем бывшем монастыре и заказал прославленным византийским иконописцам монументальный полуфигурный семичастный деисус, который был отослан им в Серпухов и торжественно водружен в монастырском соборе.[97] Это замечательное создание искусства произвело сильное впечатление на московских иконописцев, и не без его воздействия были написаны несколько позднее Андреем Рублевым иконы звенигородского чина.

Афанасий Высоцкий, как мы уже говорили, еще в Сергиевом монастыре стяжал себе славу хорошего писца. Сделавшись игуменом собственного монастыря, он, естественно, поощрял здесь развитие любимого дела. В серпуховском Высоцком монастыре по его указанию в 1381 г. была написана местным дьяконом Вунько большая по формату книга — Пандекты Никона Черногорца (ГИМ, Син. 193).[98] Она украшена двумя хорошими тератологическими заставками. Серпуховская рукопись ничуть не хуже современных ей троицких рукописей, из которых бесспорной является Стихирарь 1380 г. Пластически насыщенный рисунок заставки высоцкой рукописи стоит по качеству даже выше заставки Стихираря. Замечательно, что именно к этой рукописи, а не к троицкой, примыкают по стилю орнамента своих заставок Служебник и первое Евангелие Никона

---

[96] Об Афанасии Высоцком и его монастыре см.: С. Смирнов. Преподобный Афанасий Высоцкий. М., 1874; П. Симсон. История Серпухова. М., 1880, стр. 26—27; Н. Барсуков. Источники русской агиографии. Изд. ОЛДП, LXXXI, СПб., 1882, стлб. 65—67; М. В. Толстой. Книга глаголемая описание о российских святых, стр. 236—237; В. В. Зверинский. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, т. II, № 753; Д. К. Тренев. Серпуховской Высоцкий монастырь. Его иконы и достопамятности. М., 1902, стр. 19—33.

[97] В. Н. Лазарев. Новые памятники византийской живописи XIV века. 1. Высоцкий чин. — Византийский временник, т. IV, М.—Л., 1951, стр. 122—131.

[98] А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. IV. М., 1862, № 218 (193).

Радонежского, которые имеют аналогичную вязкую структуру плетения и такую же расцветку фона голубой краской, а не голубой и зеленой, как расцветка фона заставки Стихираря. Это бросает косвенный свет на бо́льшую причастность ранних никоновских рукописей именно к серпуховскому Высоцкому монастырю и на меньшую — к Троице-Сергиеву.

Возможно, из Высоцкого монастыря происходит еще одна рукопись — пергаменный Паримейник второй половины XIV в. (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 303).[99] В XVII столетии, как указывает надпись на одном из его листов, он принадлежал Пречистой Богородице на Высоком. И эта рукопись, как и предыдущая, тоже отличается хорошим качеством. Она имеет одну заставку и много инициалов тератологического стиля в красках. С Пандектами Никона Черногорца 1381 г. ее роднит, между прочим, то, что в обеих рукописях инициалы нарисованы по предварительным наброскам, делавшимся светло-серой кистью (в Паримейнике) или свинцовым карандашом (в Пандектах), — явление, которое в русских рукописях хотя и наблюдается, но все же не часто. Оно свидетельствует о серьезной постановке дела переписывания и оформления рукописей в стенах Высоцкого монастыря.

Менее значительным представляется объем книгописания в Саввине-Сторожевском монастыре в Звенигороде. Правда, сохранилась только одна местная рукопись начала XV в. — Устав церковный, переписанный в 1428 г. «черньчищем» Давыдом (ГБЛ, ф. 256, Рум., № 445).[100] Протооригиналом для него послужила константинопольская рукопись Устава 1401 г. или же ближайшая к нему по времени какая-то копия. Саввин-Сторожевский Устав является старейшим сохранившимся списком с Устава 1401 г. К сожалению, как и вся масса рукописей монастырского происхождения, эта книга, сохраняя за собою исторический интерес, имеет весьма мало общего с искусством.

Итак, обзор монастырских рукописей середины XIV—начала XV в. приводит нас к выводу, что, за единичными исключениями, московские и подмосковные монастырские рукописные книги не имеют лицевых миниатюр. Очевидно, в большинстве монастырей не было не только живописных мастерских, но даже и отдельных художников, которые бы могли быть привлечены к делу украшения рукописей. Это касается, в частности, Чудова, Спасо-Андроникова и Троице-Сергиева монастырей. Художественное творчество монастырских писцов Москвы и Подмосковья выражалось главным образом в графике и орнаменте. Совершенство графики всегда ставилось в заслугу каллиграфам, ибо оно придавало рукописи строгий, ясный вид и облегчало читателям усвоение текста. Необходимой принадлежностью большинства рукописей был также орнамент, ибо традиция декоративного оформления рукописной книги составляла неотъемлемую часть средневековой письменной культуры в целом.

---

[99] А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, № CCCIII.

[100] Там же, № CCCCXLV.

Уже после того как статья была сверстана, удалось установить, что упоминаемая на стр. 123 настоящей статьи рукопись — Златоструй 1406 г. — не погибла. Она хранится в БАН под шифром 33.16.15 (см. В. И. Срезневский и Ф. И. Покровский. Описание рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. 1 (2). Пгр. 1915, стр. 158—167). Ее оформление согласуется с нашей характеристикой московского монастырского книгописания.